

Гипнотизируя себя

Архаизация случается во все времена, когда исчезает «идея человека». Общество ищет простые ответы у лидеров-гипнотизеров

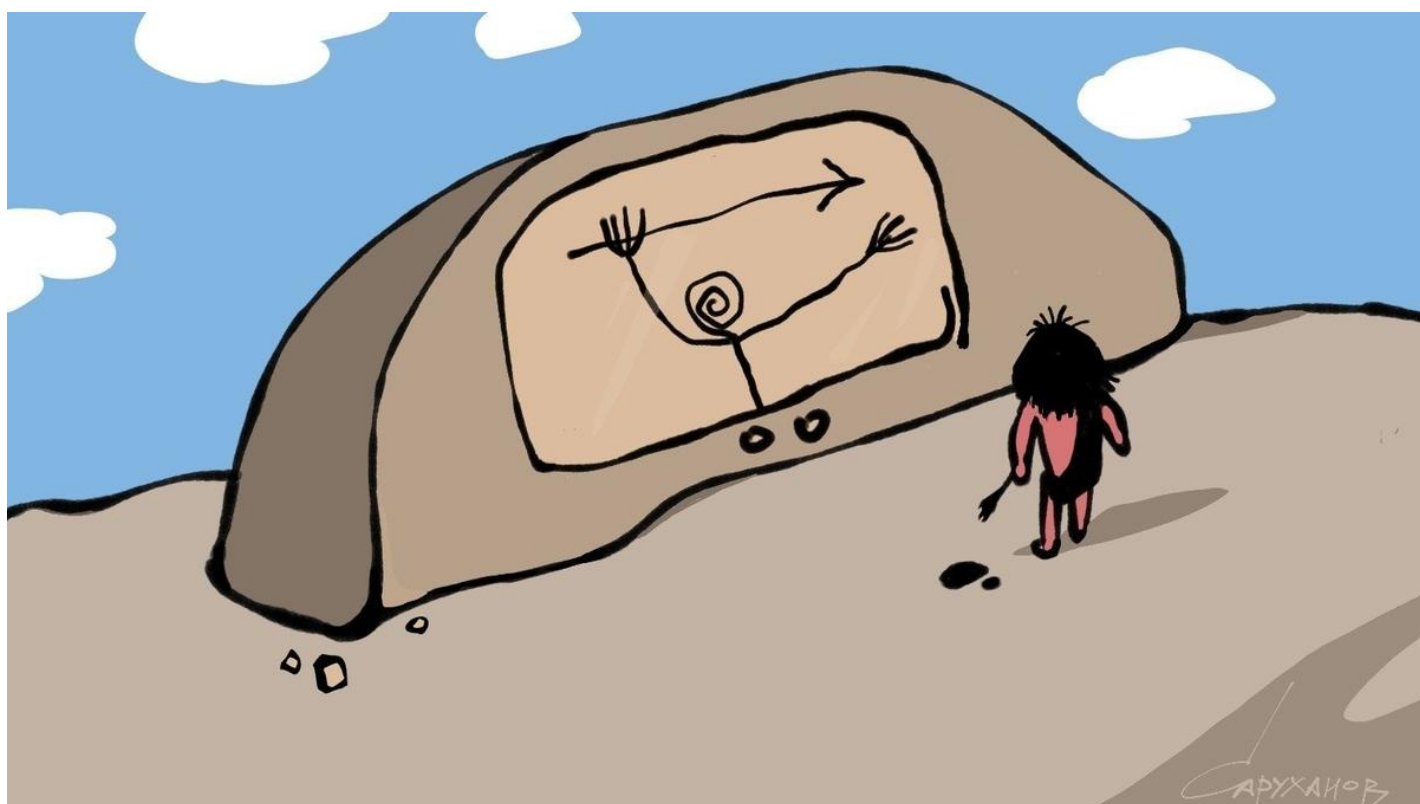

Рисунок: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:05, 26 июля 2025,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Про общественные ценности и большие идеи не вспоминали в Российской Федерации долго. Наверное, с начала 90-х, когда на волне «победы» демократии и свободного рынка у большинства людей возникло ощущение, что все встало на свои места и пришло время не размышлять о «великих вопросах», но — действовать. А действовать значило, по сути, одно — стремительно включаться в глобальный круговорот денег, товаров и услуг и занимать в нем оптимально успешное место.

Что же до «великих вопросов» и исторических задач, то они практически исчезли из активного сознания не только у массового человека, но и у правящих политических элит — «конец истории» так «конец истории».

Однако выяснилось, что такой нейтралитет не длится в обществе слишком долго. Природа не терпит пустоты. Человеческая повседневность хотя и не порождает сама из себя движения в сторону каких-либо идей и утопий, но и не остается неизменной.

Как показывают наши времена, умы и души людей, не наполненные внутренним смыслом, по какому-то естественному тяготению дрейфуют в сторону рудиментарных, архаических паттернов существования.

Они двигаются к упрощенным и все менее и менее цивилизованным моделям сознания и поведения. Начинается массовый исход в «прошлое».

***

В такие времена харизматичные лидеры-гипнотизеры выходят

на широкую сцену и захватывают внимание и доверие масс. Они дают простые ответы и простые цели; они возрождают для масс старые, пещерные мифы и пробуждают дремлющие бессознательные чувства. Лидеры-гипнотизеры активно используют сползание массового человека к простому и архаическому. Они берут некие фрагменты из отдаленной истории или архивов культуры, интерпретируют их так, чтобы те оказывались доступны и понятны самому усредненному сознанию, — а затем презентуют самой широкой публике в качестве идеальных, образцовых примеров.

По сути, так хорошо нам известное сегодняшнее возрождение исторической ностальгии завязано не на избыточной любви массового человека к изучению и пониманию прошлого, а ровно на гипнотических интерпретациях и презентациях прошлого, через которые массовый человек узнает и подтверждает себя самого в своем настоящем — со всеми свойственными ему рудиментами души и ума, вышедшими на поверхность.

***

Архаизацию массового сознания вряд ли стоит воспринимать так, что это возврат к вполне конкретным прошлым историческим временам и состояниям. Люди не возвращаются назад, они просто дают выход тому, что в них всегда было и есть.

Это не обновление современности ренессансом прошлого и не создание новых идей на основе предшествующих. Скорее это обращение человека к тем слоям души и ума, которые вообще минимально затронуты идеями. Обращение к инстинктам, смутным интуициям и ощущениям, которые цивилизация вытеснила в маргинальные зоны, назвав их «варварскими». Но при этом они не исчезли, всегда сопутствовали цивилизации и, вероятно, ждали своего часа.

Умы и души людей двигаются к упрощенным и все менее и менее цивилизованным моделям сознания и поведения. Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Первое и самое существенное, чем характеризует себя и по чему узнается архаизация, — отказ от эволюционных представлений относительно как человека, так и общества. Отказ от идеи универсального поступательно-линейного движения исторического времени или, другими словами, — от идеи прогресса. В результате — радикальное ослабление чувства историчности и чувства будущности. История исчезает как целое и распадается на фрагменты, привязанные, как правило, к отдельным персонам, племенам и народам. Об истории человечества речь уже не ведется.

Архаическое сознание видит лишь вспышки событий, происходящих под действием необъяснимых сил и возбуждающих сильные эмоции. Эти события сменяют друг друга без какой-либо внутренней стратегии, без связи с единой смысловой осью — повинуюсь лишь логике своего успеха или провала. Все успешное здесь в конечном итоге возвращается

вокруг способности к выживанию и доминированию. И еще — вокруг счастливого или несчастного случая, который возносит одних и сокрушает других.

История оказывается хаотическим смешением различных локальных времен, как параллельно сосуществующих и почти ничего не знающих друг о друге — так и вытесняющих и заменяющих друг друга. Время греков сменяется временем римлян, которых в свою очередь вытесняет время вандалов и гуннов, а тех — время викингов и династии Каролингов и т.д. Или, как представляет себе немалое число жителей сегодняшней РФ: время Запада подошло к концу — приходит время Русского мира. Однако при этом с уважительностью ставит на почетное место и мир Китайский.

***

Если поначалу и можно сказать, что архаизация начинается как своего рода ролевая игра, карнавал, импровизация исторических реставраторов, — то спустя некоторое время все это приобретает совсем не игровой характер.

Каждый актер хорошо знает те последствия, к которым ведет последовательное вживание в ту или иную роль и старательное ее исполнение. Рано или поздно начинается процесс психологического, экзистенциального сращивания. Ролевой персонаж занимает в человеке все больше места, а прежняя личность все больше вытесняется. Это может доходить и до крайне болезненного раздвоения — но актеров спасает то, что их роли ограничены во времени и меняются от сценария к сценарию.

Но если сценарий надолго один и тот же, а роль закрепляется как единственная — то сращение с ней будет практически неизбежным итогом.

Это относится, в первую очередь, к сценаристам и режиссерам ролевой игры. Чтобы быть убедительными и заставить как можно больше людей поверить в создаваемые ими образы и истории, они должны поверить в них сами и максимально проникнуться собственным спектаклем. А поскольку в этом спектакле они занимают самое центральное и престижное место — как творцы и вдохновители, — то поверить в подобное положение вещей для нарциссического сознания будет лишь в удовольствие.

В архаичном обществе спектакля человек не просто играет роль, а сливается с персонажем. Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

В условиях же, когда авторы перестали следовать за утопиями и

«большими идеями», но целиком сосредоточились на эффектной самопрезентации перед публикой, — нарциссизм становится едва ли не единственным вариантом. Поскольку же сам нарциссизм по сути безличностен и за ним нет ничего, кроме бездонного желания быть в центре внимания и нравиться, — то всякая роль, через которую это желание будет удовлетворено, — легко занимает то место, где предположительно должна была бы располагаться личность, «внутренний человек», субъект.

В итоге мы видим, как создатели и устроители ролевой игры сделались плоть от плоти собственного творения и уже потеряли способность держать ту дистанцию, что отличает творение от творца.

Что касается актеров, задействованных в этом глобальном спектакле, то часть из них вышла на сцену добровольно и с удовольствием отдается ролям, которые назначает для них режиссер. Какие бы ни были роли, но иного спектакля нет, а находиться на сцене для них — это важнее всего. Другие актеры вышли играть без всякого энтузиазма, а некоторые и «скрипя зубами» — но спектакль только один, какой есть, а саботаж довольно сурово наказывается. Главный режиссер не славится толерантностью. В итоге играют все.

***

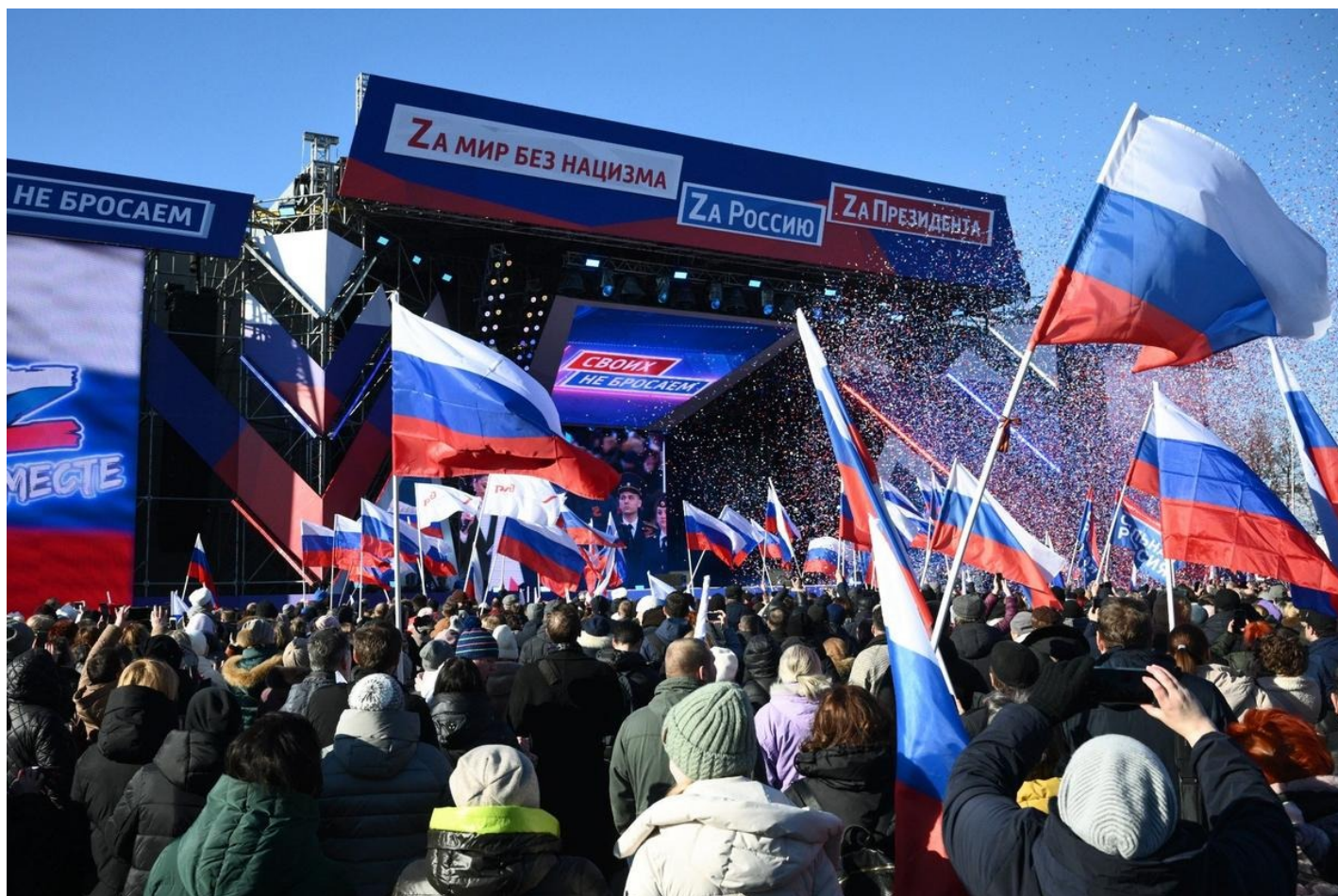
Со зрителями история несколько сложнее. Им есть из чего выбирать, ибо смотреть — это не то же самое, что играть отведенную роль. Смотреть можно в самые разные стороны. Но факт, что большинство зрителей смотрят именно на ту сцену и на то действие, что показывает им главный режиссер. И этим

зрелищем вполне довольны.

Если мы понимаем под дрейфом сознания в архаику его упрощение, отчуждение от отвлеченно-трансцендентных, идеалистических ориентиров, — то, вероятно, такое сознание определяет себя через имманентность, т.е. через непосредственно данное, окружающее, известное, уже сложившееся. *Живущий повседневностью массовый человек, этот главный представитель архаического, — в полной мере включен в имманентное ему существование, по преимуществу выделяя из него то, что обладает наибольшей известностью и авторитетом. Этот*

авторитет ощущается им как «железная необходимость», что совершенно сродни ощущению необходимости судьбы или «воли богов» у представителя каких-нибудь неолитических племен. По принципу: так должно быть, потому что так было всегда и так есть сейчас.

В общем, без остатка включенный в имманентное, массовый человек тем самым ориентирован на принцип «железной необходимости», в котором видит опору сложившегося и известного ему мира. Поэтому он по умолчанию склонен смотреть именно те представления и «спектакли», в которых будет находить подтверждение тому, что мир с «железной необходимостью» устроен именно так, как сложилось и как известно, а не иначе. И он выберет это из всех иных вариантов, которые, как правило, оценивает в качестве сомнительных, если не откровенно опасных и враждебных.

Политический театр не предполагает импровизации. Фото: Михаил Метцель / ТАСС

***

Видимо, живущий по преимуществу повседневной, имманентной жизнью человек — по умолчанию архаичен. Он называет себя — «реалистом». Он не понимает и не любит неочевидного, утопического, идеально-отвлеченного. Он принципиально не трансцендентен. Антитрансцендентен.

Собственно, это относится и к «зрителям», смотрящим один и тот же «спектакль», — и к актерам, режиссерам и сценаристам этого «спектакля». Относится не только к современной нам архаизации, но вообще к любому историческому отрезку времени, когда массы и их вожди выходят на сцену, на первый план.

И если этот их выход поначалу и выглядит как некий новый «исторический этап», то уже вскоре становится очевидным, что историческое здесь останавливается и отменяется, — если мы

понимаем под ним наличие или даже желание какого-либо развития, качественного перехода. Там, где речь идет о массах и вождях, действующих и думающих как «одна команда», — о развитии и переходах можно забыть. Там есть всегда одно и то же, повторяющее себя в разных временах и в разных народах состояние вращающейся конвейерной ленты, состояние замкнутого воспроизводства одного и того же «здесь и сейчас», где массы и вожди сошлись в патологическом синтезе и где не находится места ни возвышенным утопиям, ни идеям. В том числе не находится там места и для «идеи человека». Архаизация — это то, что случается во все времена, когда исчезает связь с «идеей человека».

Этот материал вышел в девятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.